

ТИХОНОВА Е.В.

Российский университет
дружбы народов
E-mail: etihonova@gmail.com

СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И ДИСКРИМИНАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ГРУПП: «ОТМЫВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ» И «ЯЗЫК ВРАЖДЫ» НОВЫХ МЕДИА

Аннотация. В статье анализируются принципы самоидентификации в современных социумах. Исследуются причины ренессанса этнического мировоззрения, его превалирования над национальным. Базисные различия этнических и религиозных принципов самоидентификации актуализируются автором в качестве причины принципиальной некоммуникабельности «мусульманской» и «немусульманской» частей современного социума.

Автор исследует взаимосвязь «языка вражды» (в качестве маркера которого используются этнофилизмы) с «отмыванием информации», свойственному новым медиа, отслеживает их влияние на общественное мнение.

В работе уточняются определения «язык вражды», этнофилизм, «отмывание информации». Даются сущностные характеристики указанных понятий.

Ключевые слова: язык вражды, этнофилизм, «отмывание информации», новые медиа, аутгруппа, ингруппа.

STEREOTYPING AND DISCRIMINATION AGAINST ETHNO- CULTURAL GROUPS: "INFORMATION LAUNDERING" AND "HATE SPEECH" IN NEW MEDIA

Abstract. The principles of self-identification in modern societies are analyzed in the article. The causes of the Renaissance in ethnic worldview with its prevalence over national issues are investigated. Basic differences of ethnic and religious guidelines for self-identification are updated by the author as the principal cause of miscommunication between "Muslim" and "non-Muslim" parts of modern society.

The author examines the relationship of "hate speech" (ethnophaulism is used as a marker) with "information laundering" inherent in new media, monitors their influence on public opinion.

The research clarifies the definitions of "hate speech", ethnophaulism, "information laundering". The essential characteristics of these concepts are formulated.

Keywords: *hate speech, ethnophaulism, "information laundering", new media, outgroup, ingroup.*

Этнокультурный плюрализм современного социума маркируется столь интенсивной мозаичностью своей структуры, что формирование однородной надэтнической национальной общности в рамках конкретных государственных организмов представляется всё более эфемерной идеей. Деактуализация этничности и религиозности, свойственная XX в., основанная на неизбежности преодоления в ходе социального прогресса этническими группами своих этнокультурных границ и создании надэтнической гражданской нации, по сути, привела на практике к акцентуации этничности и религиозности на мировом уровне, их превращению в определяющие факторы развития современной государственности, когда поступательное растворение этничности и культурной автономии и связанной с ними традиции в единой национальной общности с последующим формированием глобального сверхнационального общества с единой общечеловеческой идентичностью под влиянием глобализационных процессов столкнулось с реактуализацией этнических и конфессиональных принципов самоидентификации, усилением многополярности современного социума.

Ренессанс этнического и конфессионального самосознания привёл к отказу «принимаемых» обществ от интеграции в культурную и социальную действительность «принимающих обществ», что неизбежно обусловило конфликтогенность их коммуникации, осложнило социальное развитие общества, оказавшегося расколотым на ряд ингрупп и аутгрупп.

Отсюда, мыслится неизбежной необходимостью разграничения понятий этнос и нация, их восприятие не в качестве сменяющих друг друга стадий развития общества, но в качестве параллельно

функционирующих структур, осложнённых этнокультурными и религиозным факторами⁹. Доминирование этнического самосознания сегодня зачастую оттесняет национально-государственное самосознание на второй план. При этом, государствообразующие этносы все активнее заявляют об исключительности своих прав влиять на развитие национально-государственного организма определяющим образом и недопустимости подобного влияния со стороны аутгрупп. Интересы «титульного» этноса всё чаще отождествляются с интересами государства, тогда как наличие общих «национальных» интересов подвергается сомнению, ввиду стремительной этнорелигиозной стратификации нации с акцентированием в её структуре автономистских устремлений тех или иных этнорелигиозных / этнических образований.

Таким образом, сам факт активной этнизации не только групп «принимаемых меньшинств», но и государствообразующих этнических групп, свидетельствует о деактуализации нации как интегрирующей общности, способной привести к сбалансированному достижению паритета интересов различных этнокультурных групп и формирующих их индивидов.

Совершенно очевидно, что даже частичный отказ от гражданской лояльности приводит к дефрагментации общества, поиску иных гарантов стабильности, в качестве которой и воспринимается лояльность собственной этнокультурной / религиозной группе. А поскольку выбор ведущей идентичности определяется теми группами, с которыми индивид контактирует в повседневной реальности, иные формы идентичности становятся менее значимыми. Более того, этническая (и связанная с нею

⁹ Для ряда этнических групп религиозная самоидентификация играет столь принципиальное значение, что привела к возникновению этноконфессиональных общностей, бытие которых характеризуется детерминированием повседневной действительности религиозными установлениями и неотделимостью этнического сознания от религиозного [Баранова, 2004].

религиозная) идентификация, как правило, воспринимается в качестве исконной, неизменной, не подлежащей трансформации, тогда как национальная принадлежность под влиянием ряда факторов способна измениться самым кардинальным образом. Прагматизм современной реальности для ряда индивидов и вовсе нивелирует идею национальной принадлежности, ведёт к её восприятию в качестве величины относительной, достаточно просто трансформируемой (отсюда и стремление молодёжи жить и работать «за рубежом»).

Проживание же большого числа представителей различных этносов в диаспоре всё больше актуализирует идею существования «глобальных этносов» не ограниченных государственными границами. Особую стабильность вере в жизнеспособность глобальных этносов придаёт их всё растущее влияние на функционирование и политическое развитие государственных образований, в которых они проживают.

Как уже отмечалось выше, этнизация практически неизбежно сопровождается клерикализацией, поскольку акцентуация этнической принадлежности всегда ведёт к активизации традиционных для данного общества культурных и религиозных доминант. Этничность воспроизводится посредством становления личности в недрах повседневного бытия этноса, транслируемого членами её семьи и ближайшего социального окружения, оперирующих традиционными стереотипами, сложившимися в рамках культурного наследия общества. Внешние атрибуты этноса (этническая территория, язык, религия, культура) постепенно отмежёвывается от незыблемой и неизбежной непосредственной межпоколенной наследственности и теряет свою принципиальную значимость [Сафонов, Орлов, 2013, с. 163].

Сама идея самоидентификации по этническому принципу, тем временем, предполагает жёсткую этническую конкуренцию, поскольку именно она способна продемонстрировать

доминирование конкретного этноса над другими этническими группами, что неизбежно влечёт ухудшение социальной экологии, дестабилизации жизни в полиэтничных государствах.

Осложняет ситуацию и принципиальная недиалогичность ряда религиозных учений, составляющих базисное основание этнической самоидентификации отдельных этносов. Противоречие доктринальных религиозных установок углубляет идеологический разлом и стремление этнических групп к самоутверждению. Более того, существование ряда этноконфессиональных обществ, изначально отдающих предпочтение конфессиональным принципам самоидентификации, ещё больше усложняет саму возможность диалога. Так, последователи доктрины ислама руководствуются религиозными установлениями в повседневной действительности, не разграничивая сферы духовного и «повседневного». Отсюда и стремление мусульман инкорпорировать элементы религиозной атрибутики в социальную реальность, неподдерживаемое представителям других этнокультурных общностей.

Прокламируемое же стремление мусульман к созданию единой уммы, безотносительно к этнической принадлежности её членов, противоречит усилившейся этнической стратификации государственных организмов, превращая мусульман в самую отчуждаемую ингруппу, сознательно стереотипизируемую, демонизируемую и маргинализируемую: даже сквозь призму поляризации «мы и они» инаковость носителей ислама выглядит максимально выпяченной.

Поскольку современный этап мирового политического развития породил серию острых военных конфликтов, многие из которых обусловлены, в том числе, и этническими и религиозными доктринальными установками, европейские государства столкнулись с массовым притоком беженцев из стран мусульманского региона. Парадоксально, что многие из них прибывают на новое местожительство с абсолютно чётким убеждением, что «местное принимающее общество»

руководствуется в жизни ошибочными установлениями и не стремятся к активной инкорпорации в новые социальные структуры, не пытаются нивелировать даже свою визуальную инаковость, актуализировать собственные доктрины лишь в семейном кругу и ближайшем окружении. Напротив, активно пропагандируются идеи автономизма и дистанцирования. Так, широкое распространение в Англии и Германии получили так называемые «исламские / шариатские патрули», которые борются за соблюдение законов шариата и "защищают свою мусульманскую землю" от неподобающего поведения прочих британцев / немцев. Представляясь "исламским патрулём", "дружинники"¹⁰ призывают мужчин не распивать алкогольные напитки на улицах, а женщин покрывать голову, не носить мини-юбки и др. Все происходящее члены «патруля» снимают на видео, которое затем размещают на Youtube. По свидетельству пострадавших, молодые люди заявляют, что они "исполняют предписания ислама, борются со злом и не обязаны уважать тех, кто не подчиняется воле Аллаха", а не следующих их рекомендациям, избивают ["Исламские патрули" наказывают; Киреев, 2014].

Несмотря на то, что далеко не все мигранты позиционируют себя в качестве «иных», социальная перцепция основана на принципах, согласно которым представители одних социальных групп воспринимают представителей других социальных групп. Уже выработанные фильтры восприятия в отношении большинства членов группы, как правило, затрудняют иную дифференциацию членов этой группы, и всех её представителей начинают воспринимать согласно сложившемуся стереотипу¹¹, поскольку индивид, как правило, не являясь экспертом в каждой конкретной

¹⁰ В качестве «дружинников» выступают преимущественно радикально настроенные мусульмане.

¹¹ Стереотипы как исторически и культурно-обусловлено сложившееся модели действительности, представляют собой схемы, направляющие мышление и поведение индивидов и групп, манифестирующиеся через их речь и поступки.

ситуации, наиболее безопасным для себя считает шаблонное, стереотипное её толкование.

Мощным двигателем стереотипизации выступают современные новые медиа, под которыми мы понимаем сетевые интерактивные цифровые электронные издания и новые формы коммуникации производителями контента с его потребителями. Так, российские новостные медиа, как правило, обращаются к теме мигрантов в контексте:

1. освещения террористических актов;
2. криминальных сводок;
3. конфронтации между «мусульманским» и «немусульманским» населением европейских стран;
4. описания новых ужесточенных требований к приобретению официального статуса мигранта в России;
5. сводок о значительном количестве нелегальных мигрантов, страдающих целым рядом заболеваний, а потому - потенциально опасных для здоровья «принимающей» части населения;
6. информации о раскрытии подпольных предприятий, на которых нелегальные мигранты выпускают контрафактную продукцию.

Широко распространены на страницах новых медиа следующие заголовки, построенные на метафорах оккупации, наводнения, уклонения от следования букве закона, социального бремени: «Россию наводнили «низкокачественные» мигранты», «Россию заполнили незаконные мигранты», «Мигранты-уголовники в России», «Мигранты оккупировали тамбовскую школу», «Мигранты оккупировали детскую площадку в Уфе», «Здоровье мигрантов дорого обойдется России», «ВИЧ и туберкулез среди мигрантов: проблемы остаются острыми», «В столичных ларьках торгуют мигранты сифилитики и туберкулезники», «Более 100 нелегалов задержано в подпольном швейном цехе в Москве», «ФМС задержала 14 нелегальных мигрантов в кондитерском цехе в ЮВАО».

Таким образом имплицитно формируется стереотипный образ малограмотного, агрессивного, полукриминального мигранта, являющегося разносчиком целого ряда заболеваний потенциально опасного для общества и не стремящегося к интеграции в новый социальный контекст. Не способствует нивелированию указанного стереотипа и тот факт, что многие российские мигранты являются носителями исламского вероучения. Общеευропейская тенденция к демонизации мусульман не могла не спровоцировать настороженного отношения к ним и в России.

Ислам с конца XX в. (вслед за логикой событий, развёртывающихся в Афганистане, Чечне, на Северном Кавказе; во взаимоотношениях ряда стран с мусульманским большинством их населения; политизацией ислама в пропагандистской доктрине исламских фундаменталистов и экстремистов) начинает использоваться европейским населением в качестве маркера констатации инаковости в отношении носителей его вероучения. Более того, постепенно «исламистская угроза» трансформируется в «исламскую»¹². Данный подход достаточно нетипичен на фоне преобладающего в сознании европейцев национально-этнического принципа самоидентификации, однако, все возрастающий уровень ксенофобии в среде мирового социума активизирует подчас и «нетрадиционные» механизмы.

И вновь, через «броские» заголовки новых медиа имплицитно, но вполне целенаправленно формируется «образ врага»: «Осторожно, мусульмане», «Осторожно, ислам», «Всемирная диктатура шариата», «Деньги для Диктатуры шариата», «Оружие для диктатуры Шариата», «Шариатские патрули терроризируют Гамбург», «Мусульмане требуют от Кремля свободы», «Мусульмане требуют убрать крест с герба России», «Мусульмане требуют вместо храмов строить мечети», «Исламизация России:

¹² *Далеко не каждый представитель образованной части социума и сегодня способен разграничить эти понятия.*

полумесяцем по кресту», «Исламизация России – верный путь в бездну», «Вызов исламского экстремизма в России».

Долгое время россияне воспринимали ислам двойственно, подразделяя его на «чужой» (ближневосточный: непостижимый, настораживающий, иной) и «свой» (советский и постсоветский: выступающий исключительно в качестве регулятора социальных отношений, понятный, мирный). С конца XX в. «российский» ислам стал отождествляться с исламом мусульманского мира, впитывая в новое восприятие все фобии, опасения и угрозы с ним ассоциирующиеся. Вместе с тем, отношение к исламу в России и сегодня носит двойственный характер, под «своим» понимается ислам «традиционного», неполитизированного толка в противовес «чужому» – радикальному, политизированному исламу фундаменталистского толка.

Люди судят о конкретной этнокультурной группы исходя из поведения её наиболее «ярких» представителей, коими в контексте общины мусульман выступают радикалы. Образ мусульманина, таким образом, формируются сквозь призму идеологии глубоко политизированной идеологии радикалов, спровоцированных ими конфликтов, столкновений и акций. Действия и заявления исламских радикалов породили в немусульманской части мирового социума исламофобию, главным двигателем которой выступает страх пред иным мировоззрением, определяющим весь жизненный уклад мусульман. При этом, умма мусульман представляется типичному обывателю в условиях информационного вакуума о сути доктрины ислама, его манифестации в повседневной жизни, в качестве монолитного образования, нацеленного на безусловное мировое доминирование, трансформацию социальных и политических устоев европейской государственности.

Идентификация немусульманским населением мусульман мусульман с точки зрения их религиозной принадлежности абстрагируется от целого ряда линий размежевания, существующих внутри единой для окружающих умы мусульман. Так, например, исторически обусловленные этнические

противоречия между турками и арабами, курдами и турками / иракцами / иранцами / сирийцами и др. порождают глубокое недоверие между их общинами, несмотря на акцентированную в мусульманской среде самоидентификацию по конфессиональной принадлежности.

Религиозная самоидентификация, как таковая, не является гарантом единения последователей пророка Мухаммеда: общеизвестной является непреодолимая суннитско-шиитская дихотомия, особый подход к толкованию действительности ваххабитским крылом ислама и др. Несмотря на зародившиеся в среде исламской молодёжи идеи «глобального ислама», конфессиональные противоречия в его среде и сегодня максимально активны.

Модернизация исламской молодёжи, её тесное соприкосновение со светскими европейскими культурами так же вносит дополнительные акценты в размежевание внешней монолитности общины мусульман, абсолютное большинство которой мечтает исключительно о мирном сосуществовании с «принимающим большинством» населения европейских стран. Однако, настороженное отношение со стороны немусульманского населения провоцирует в среде мусульман политизацию собственной идентичности. Вслед за стереотипным восприятием каждого мусульманина в качестве потенциального террориста и эмиссара воинственного ислама, в среде мусульманской молодёжи активизировалась репульсивная идентичность¹³. Как результат – еще большее отчуждение «принимающей» и «принимаемой» частей общества, стереотипное восприятие аутгруппы.

¹³ Конфессиональные отличия подвергаются сознательному форсированию, стилизуются под фундаментально-антропологические. Молодежь начинает активно противиться интеграции, подчеркивать свою инакость по отношению к окружающим, объединяться в полулегальные и нелегальные организации. Идеология этих организаций, как правило, носит фундаменталистский характер, а их политической артикуляцией становится экстремизм [Малахов, 2001].

Тот факт, что российские мигранты в большинстве своём, являются носителями ислама, привёл к зарождению в России на фоне исламофобии - мигрантофобии. Обе фобии активно стереотипизируются посредством «отмывания информации» и языка вражды.

Ключевым инструментом формирования стереотипов является «язык вражды», определяемый нами как любая форма (блатантная¹⁴ или имплицитная¹⁵) репрезентации информации, оскорбительной для расовых, этнических, религиозных или иных групп (как правило, групп меньшинств, выступающих в качестве аутгруппы в рамках конкретного социума). Как правило, язык вражды строится на принципах поляризованной репрезентативности, акцентирующей на фоне внетекстовой реальности все недостатки аутгруппы в противовес исключительным достоинствам ингруппы.

Базисными основаниями языка вражды выступают предубеждения и дискриминация. И если первые исходят из негативной установки по отношению к аутгруппе, то вторая, являясь поведенческой манифестацией предубеждения, суммируется в коммуникативной его репрезентации.

Существует целый ряд классификаций текстов языка вражды. Однако, наиболее объективными, на наш взгляд, являются две классификации, приведённые ниже (хотя первая из классификаций преимущественно индексирует этнонетерпимость, многие её положения вполне применимы к градации религиозной нетерпимости):

1. **По характеру интенций**, высказанных в тексте (призывы к насилию в отношении конкретной этнической группы и её

¹⁴ Ярко выраженная форма, не маскируемая.

¹⁵ Скрытая, неявная форма репрезентации.

фрагментов¹⁶; призывы к этническим чисткам, фильтрации эмиграционных потоков по этническому принципу; призывы к дискриминации; утверждения о криминальной сущности конкретной этнической группы; утверждение о наличии заговора, опасных намерениях той или иной этнической группы; пропаганда примеров насилия и дискриминации в отношении этнической группы; сознательной фальсификации информации, ставящей под сомнение исторические и актуальные факты насилия и дискриминации в отношении этнической группы; обвинения в негативном влиянии этнической группы на социальное, политическое и экономическое развитие; утверждения о наличии устойчивых негативных черт национального характера и национальной психики; упоминания названия этнической группы в уничижительном контексте; утверждения о физической, интеллектуальной, духовной или моральной неполноценности этнической группы) [Следзевский, Филиппов, Хабенская].

2. **По базовым конструктам**, которые используются для характеристики межгруппового общения и позволяют отследить нарастание уровня нетерпимости: информационно-коммуникативный (формирование образа Другого), перцептивный (оправдание насилия в отношении Других) и интерактивный (оправдание / призыв к насилию в отношении уже локализованного Врага). Каждому конструкту соответствует своя группа текстов: информационно-коммуникативному конструкту соответствует группа «ложной идентификации»¹⁷,

¹⁶ Здесь и далее в классификации каждая интенция будет подразумеваться «в отношении конкретной этнической группы и её фрагментов».

¹⁷ Формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии путем приписывания негативных характеристик, стремления следовать древним обычаям, утверждения о врожденном или историческом превосходстве одной нации над другой.

перцептивному – ложной атрибуции¹⁸, а интерактивной – «мнимой обороны»¹⁹ [Ратинов, Кроз, Ратинова, 2005].

В текстах вражды наиболее ярким лексическим маркером вражды зачастую выступают этнофиллизмы (от др.-греч. ἔθνος - «племя, род» и φαῦλος - «дурной, ничтожный») – номинация представителя этноса с оттенком предубеждения и нетерпимости. Родоначальник термина А. Робак толковал этнофиллизмы в качестве сторонних оскорбительных аллюзий в отношении этнических аутгрупп эмигрантов [Roback, 1979]. При этом, мишенями этнофиллизмов могут быть не только представители других народов, но и представители иных «чуждых» социальных групп, в том числе люди той же национальности, что и члены группы, использующей этнофиллизм [Гладилин, 2013]. По степени жесткости коннотации этнофиллизмы градируются от иронично – пренебрежительных (америкосы, япошки) до уничижительных, презрительных и даже бранных (чучмек, жид, чурка). Семантическим основанием для возникновения этнофиллизмов зачастую становятся типичные для «чуждой» этнической группы имена собственные, слова, концентрирующие в себе сущностные характеристики этноса: особенности внешности, произношения, черты характера, пристрастия в еде и др.

К сущностным характеристикам этнофиллизмов можно отнести их потенциал:

¹⁸ Приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям конкретной нации / расы / религии (перенос ответственности за деяния отдельных представителей определенной группы на всю группу, утверждение о невозможности мирного сосуществования с группой, акцентуация теории заговора, объяснение всех проблем в социальной, культурной и политической жизни действиями конкретной группы).

¹⁹ Побуждение к действиям против какой-либо нации / расы / религии различными способами: от оправдания геноцида до различных призывов к дискриминации и насильственным действиям по отношению к представителям определенной группы (групп).

1. Категоризации: концентрированно репрезентуют все негативные стереотипы, сложившиеся вокруг категоризируемого в качестве аутгруппы сообщества, что по сути кристаллизует эти убеждения в концепт, который имеет статус конкретной реальности для использующих это слово;
2. Дегуманизации: именуют аутгруппу безотносительно к ее национальной принадлежности, культуре и истории, нивелируя таким образом любые позитивными ассоциации, связанными с данной аутгруппой. Следовательно, её члены дегуманизируются, то есть осознаются не как человеческие существа, имеющие какую-либо географическую, национальную или культурную принадлежность, но скорее как некие недочеловеческие создания (*хачи, чуреки, чучмеки* и т.д.)...
3. Компактирования: уникальные атрибуты определенных личностей теряются в процессе стереотипного, то есть компактного их восприятия. Так, стереотипное восприятие, к примеру, бездомных (стимулируемое этнофолизмами типа *бичи, бомжи*) заставляет людей думать о них только как о грязных спившихся лентяях, оставляя в стороне все остальные человеческие качества этих людей. Таким образом, этнофолизмы обеспечивают экономию когнитивных усилий [Гладилин, 2013]. Намного проще относиться нетолерантно и пренебрежительно к некоему абстрактному члену аутгруппы, нежели к конкретному человеку, который живет рядом и ни в чем предосудительном замечен не был.

Методом сплошной выборки в 73 статьях новых медиа, тематически связанных с проблематикой российских мигрантов, нами были вычленены этнофилизмы их маркирующие. Приведём наиболее распространённые из них: нерусь, «черные», бородач, джамшутка, чебурек, чурек, чурка, хач, хачик, хачиха, быдло, чучмек, чурбан, абрек, бусурман / басурман, чернильница (спутница хача), хоттаб, хачи-бородачи, хачи-трюкачи, бородастые ребята.

Этнофилизмы активно используются и в заголовках: «Чурки, вон из России», «Как ведут себя чурки в русских городах», «Чуркам в России живётся привольно», «Хачи захватили всё», «Сыны России и хачи Европы», «Эпоха хачей в России».

Все этнофилизмы, по сути, были вычленены нами из текстов, позиционируемых в качестве нейтральных (мы избегали текстов вражды), но даже в этих текстах, исходя из характера их интенций, очевидно просматривались практически все интенции, указанные нами в первой из указанных классификаций текстов вражды. Что касается выявленных конструкторов, то преобладающим выступил информационно-коммуникативный, хотя перцептивный конструктор (или его элементы) так же был зафиксирован.

Питательной средой для языка вражды в контексте рассматриваемой нами темы является и некорректное использование мусульманских религиозных терминов. Так, например термин "шахид" призван маркировать священномученика, человека, принявшего мученическую смерть за Бога, не имеющего никакого отношения к политическому терроризму, павшему в честном бою с агрессором, а не взорвавшему дом, или совершившему теракт в метро. Использование термина "шахид" в оскорбляющем религиозные чувства мусульман контексте, по мнению А.В. Коренькова, необходимо заменить в риторике СМИ на слово "ассасин", номинирующее политических убийц в средние века на Ближнем Востоке [Кореньков, 2004]. Однако, термин шахид(ка) не просто не был откорректирован журналистами, но более того – ареал его употребления был некорректно расширен и стал обозначением любой женщины-террористки, причем не обязательно самоубийцы. Совершенно очевидно, что подобные терминологические неточности усиливают дистанцирование между мусульманами и немусульманами в России, фреймируя необоснованное взаимное недопонимание во всех сферах взаимодействия.

Язык вражды призван делигитимизировать и маргинализировать членов аутгруппы, ограничив, тем самым, их доступ к репрезентации собственной картины мира широкой общественности. Поскольку освещение любого события в новых (сетевых) медиа не является объективным воспроизведением описываемого события, в условиях маргинализации делигитимизированной группы у неё остаётся значительно меньше возможностей изменить общественное мнение, что облегчает процесс её демонизации.

Казалось бы, с возникновением интернет-пространства эта проблема получила частичное разрешение: маргинализируемая группа вполне свободно получает возможность манифестировать собственные взгляды в киберпространстве. Но и здесь она сталкивается со вполне осязаемым барьером: восприятию «иной» точки зрения препятствуют не только устоявшиеся стереотипы, но и «отмывание информации» (*information laundering*). Термин, введённый в научный оборот А. Клейном, трактуется как процесс сокрытия / маскировки информации, касающейся неправомερных действий, либо характеризующей описываемое событие не с «заданной» точки зрения [Klein, 2012]. Исследователь влияния пропаганды на общественное мнение в век цифровых технологий А. Ванлес отмечает, что «отмывание информации» - это инструмент, позволяющий превратить информацию из идеи, пришедшей конкретному человеку в голову, в факт, принимаемый миллионами [Wanless, 2015].

«Отмывание информации» включает в свой арсенал три наиболее распространённых инструмента: ложь, цензуру и «опущения»²⁰ [Gilgan, 2012]. Если же данный инструментарий использует «уважаемый» автор, то любая ложь под его пером легко «отмывается в правду». При этом, активизируется незатейливый механизм: чем большее количество людей верит в то, что

²⁰ Анонсируется только «требуемая» часть информации.

представленная информация правдива, тем скорее в неё поверит и человек, критически её воспринимающий [Holiday, 2012].

Технология в рамках киберпространства создала благоприятную почву для возникновения «сайтов ненависти», отражающих заявленную в поисковом браузере тему с помощью языка вражды. Поисковики не дифференцируют сайты содержащие релевантную (то есть максимально объективную, насколько это возможно из политики конкретного СМИ) информацию и «сайты ненависти». Более того, сайты ненависти невозможно визуализировать «с первого взгляда»: они успешно визуализируют «заданную» информацию, растворяя её в «нейтральной» информации. «Верификацию» представляемой информации «сайты ненависти» реализуют посредством (1) использования ссылок на сайты, которым доверяют пользователи (Википедия, сайты правительственных организаций, сайты известных новостных агентств и др.), но подбирая из представленной на них информации исключительно «требуемые» факты и «опуская» факты не соответствующие пропагандируемой теории; (2) использования научной символики и апелляции к авторитету учёных и псевдонаучным исследованиям.

Собранные воедино и легитимизованные популярными вебсайтами факты о настроениях и действиях мусульман в европейском масштабе, о ситуации, сложившейся вокруг российских мигрантов на страницах «сайтов ненависти» безапелляционно свидетельствуют об угрозе со стороны российских мигрантов-мусульман, и о «смертельной угрозе» со стороны мирового ислама. Эксплуатируя чувство страха обывателей, провоцируя в них недоверие к политике правительства, «сайты ненависти» вовлекают их в сферу пропагандируемой идеологии, свидетельством чему являются комментарии, оставляемые пользователями на форумах и в онлайн-сообществах, инкорпорированных в сайты. Как отмечает А. Клейн: «одно “правильно составленное сообщение”, как снежный ком провоцирует ответные сообщения посетителей, потенциально

провоцирующие призывы к насилию против расовых и этнических меньшинств» [Klein, 2010, p. 5].

Таким образом, можно констатировать, что в общественном мнении россиян по-прежнему фиксируется двойственное отношение проблематике ислама: (1) с одной стороны оно манифестируется через абстрактную боязнь мирового господства ислама проводимую в жизнь единым слаженным образованием – уммой мусульман, члены которой неизменно поддерживают друг друга и неуважительно относятся к иноверцам; (2) с другой - вера в то, что «российский ислам» не столь политизирован, его носители руководствуются исламской моралью в качестве социального регулятора. Вместе с тем, носители «своего» ислама стремительно стратифицируются на мирных обывателей и сторонников «чужого» ислама. К последним относят выходцев из Чечни, Северокавказского региона, с большим опасением относятся к дагестанцам. Парадоксально, что к сторонникам «мирного» ислама российская молодежь относится с долей пренебрежения, ассоциируя его носителей с трудовыми мигрантами-мусульманами. Однако, их инаковость столь очевидна на фоне «принимающего» общества, что она вызывает раздражение у его значительной части, которое постепенно перерастает в мигрантофобию.

Уничижительные этнофизлизмы, активно используемые в новых медиа, наиболее точно передают семантику лексики языка вражды, отражая одновременно присутствие этнической / религиозной картины мира при их использовании, с другой - демонстрируя неприятие аутгруппы. Их активное использование в новых медиа параллельно с «отмыванием информации» сеет взаимное недоверие между ингруппой и аутгруппой, порождают необоснованные фобии и обуславливают социальный диссонанс. При этом, активное продуцирование языка вражды превращает его в норму, а любая агрессия в ответ провоцирует эквивалентный ответ.

Литература:

1. Баранова Е.В. Британский мандат и этноконфессиональные общины Ирака: Авт. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н.. Брянск, 2004.
2. Гладилин А.В. Лексические маркеры предубеждения и ненависти // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Красноярск: СФУ, 2013. Том 4. С. 21-26.
3. "Исламские патрули" наказывают жителей Лондона за несоблюдение законов шариата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zn.ua/WORLD/islamskie-patruli-nakazyvayut-zhiteley-londona-za-nesoblyudenie-zakonov-shariata.html> (дата обращения 01.12.2015)
4. Киреев Д. Исламские патрули в Германии (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.euromag.ru/germany/39175.html> (дата обращения 01.12.2015)
5. Кореньков А.В. Не "шахиды", а "ассасины" // Известия. 2004. 12 февраля.
6. Малахов В. Язык и этнический конфликт. М.: Гендальф, 2001.
7. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Нация и этнос в едином мире // Век глобализации. 2013. № 2. С. 155-166.
8. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика. М.: Юрлитинформ, 2005.
9. Следзевский И.В., Филиппов В.Р., Хабенская Е.О. Аналитический отчет о результатах исследования «Преодоление ксенофобии в СМИ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.igpi.ru/bibl/other_articl/1101820840.html (дата обращения 01.12.2015)
10. Gilgan J. On Being a Shit-Unkind Deeds and Cover-Ups in Everyday Life. Create Space Independent Publishing Platform, 2012.
11. Holiday R. Trust me, I'm Lying. Confessions of a Media Manipulator. N.Y.: Penguin group, 2012.
12. Klein A. G. A Space for Hate: The White Power Movement's Adaptation into Cyberspace. CA: Litwin Books, LLC, 2010. 220 p.
13. Klein A. Slipping Racism into the Mainstream: A Theory of informational Laundering // Communication Theory. 2012. № 22. P. 427-448.
14. Roback A.A. Dictionary of ethnic slurs (Ethnophaulisms). With a Supplementary Essay on Aspects of Ethnic Prejudice. 2nd edition. WaukeshaWis.: Maledicta Press, 1979.
15. Wanless A. Information Laundering Machine // La Generalista. 29.09.2015